

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-298-303

Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ОМЕЛЬЧЕНКО В.О.,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Частного образовательного
учреждения высшего образования
«Юридический институт», Санкт-Петербург, Россия,
тел.: +79833112299,
e-mail: Omel-vit@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВОСОЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА «ПРАВОВЫХ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ»

Аннотация. Статья посвящена теоретико-правовому анализу феномена «правовых галлюцинаций» искусственного интеллекта и его влияния на правосознание. Обосновывается, что генерация системой искусственного интеллекта недостоверной юридической информации представляет собой не только техническую проблему, но и самостоятельный вопрос теории права. Правовая галлюцинация определяется как недостоверная юридическая информация, сформированная системой в форме, внешне похожей на достоверное правовое знание. Показано, что техническая ошибка сама по себе не изменяет правосознание: она приобретает теоретико-правовое значение тогда, когда такая информация принимается человеком за достоверное правовое знание и используется им при выборе юридически значимого поведения. Разграничиваются три уровня явления: техническая ошибка системы, правовая галлюцинация как информационный продукт и ложное правовое знание человека. Проводится различие между ложным правовым знанием и юридической ошибкой. Сделан вывод о необходимости развития теоретико-правовых представлений о правовом знании и правовой информации с учётом распространения искусственного интеллекта как нового посредника между человеком и правовой действительностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосознание, правовые галлюцинации, ложное правовое знание, правовая информация, правовое знание, юридическая ошибка, цифровизация права, теория права.

Для цитирования: Омельченко В. О. Искусственный интеллект и правосознание: теоретико-правовая проблема «правовых галлюцинаций» // Образование и право. 2026. № 10. С. 298–303.

OMELCHENKO V.O.,
Postgraduate student of the Department of Theory and History
of State and Law, Private Educational Institution of
Higher Education
“Law Institute”, Saint- Petersburg, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LEGAL CONSCIOUSNESS: THE THEORETICAL AND LEGAL PROBLEM OF “LEGAL HALLUCINATIONS”

Annotation. The article is devoted to a theoretical and legal analysis of the phenomenon of “legal hallucinations” of artificial intelligence and its impact on legal consciousness. It is substantiated that the generation of unreliable legal information by an artificial intelligence system is not only a technical problem, but also an independent issue of legal theory. A legal hallucination is defined as unreliable legal information generated by a system in a form that outwardly resembles reliable legal knowledge. It is shown that a technical error by itself does not alter legal consciousness: it acquires theoretical and legal significance when such information is accepted by a person as reliable legal knowledge and is used by that person in choosing legally significant behavior. Three levels of the

phenomenon are distinguished: a technical error of the system, a legal hallucination as an information product, and false legal knowledge of a person. A distinction is drawn between false legal knowledge and legal error. The article concludes that theoretical and legal approaches to legal knowledge and legal information should be further developed, taking into account the spread of artificial intelligence as a new mediator between the individual and legal reality.

Key words: artificial intelligence, legal consciousness, legal hallucinations, false legal knowledge, legal information, legal knowledge, legal error, digitalization of law, legal theory.

For citation: Omelchenko V. O. Artificial intelligence and legal consciousness: the theoretical and legal problem of "legal hallucinations". *Education and law*. 2026;(10):298–303. (In Russ.).

Введение

Развитие систем искусственного интеллекта постепенно меняет способы получения и обработки правовой информации. Если ранее основными источниками правового знания для гражданина выступали нормативные правовые акты, судебные решения, юридическая литература и профессиональная консультация, то сегодня значительная часть такой информации может быть получена посредством цифровых систем, способных самостоятельно сформировать ответ на поставленный правовой вопрос.

Генеративные системы искусственного интеллекта заслуживают здесь отдельного внимания. Они заметно упрощают доступ к правовой информации, но одновременно ставят вопрос о достоверности того, что человек получает на выходе. Ответ системы может выглядеть убедительно и при этом содержать несуществующую норму, вымышленный судебный акт или ошибочную квалификацию ситуации. В зарубежной литературе для таких случаев используется термин «hallucination». Проблема сохраняется и в специализированных юридических системах: исследование 2025 г. показало, что заметная доля ответов и ссылок в ведущих ИИ-инструментах для юридического поиска оказывается ошибочной [4].

Для теории права важна не сама по себе техническая ошибка. Сложнее другое: что происходит, когда недостоверная юридическая информация, сформированная искусственным интеллектом, воспринимается человеком как достоверное правовое знание. Тогда проблема выходит за пределы техники. Она касается механизма формирования правосознания, поскольку представление лица о содержании права входит в его отношение к правовой действительности и сказывается на последующем поведении.

В работе предлагается разграничение трёх уровней: технической ошибки системы искусственного интеллекта, правовой галлюцинации как недостоверной информации и ложного правового знания человека. Ошибка искусственного интеллекта приобретает значение для теории права лишь тогда, когда человек принимает такую информацию за достоверное знание о праве. В

этом случае искусственный интеллект выступает посредником между человеком и правовой информацией и может участвовать в формировании его представлений о праве.

Правосознание и искусственный интеллект

Правосознание — одна из традиционных категорий теории права. Обычно оно понимается как совокупность представлений, оценок, чувств и установок субъектов относительно права и правовых явлений [1]. В его структуре выделяют знание о праве, оценочное отношение к нему и волевые элементы, связанные с выбором поведения. В настоящей работе правосознание берётся прежде всего со стороны знания, как совокупность правовых представлений, с помощью которых человек ориентируется в правовой действительности. Оценочные и волевые компоненты, составляющие предмет самостоятельных исследований, здесь не рассматриваются.

Правосознание не формируется в вакууме. Чтобы у человека возникли представления о праве, он должен получать информацию о нормативных предписаниях, правах и обязанностях, деятельности государственных органов, практике реализации законодательства. Связь правосознания и правовой информации уже становилась предметом отечественных исследований. Процесс правового информирования непосредственно влияет на формирование правовых представлений граждан [2].

Цифровизация меняет здесь главным образом способ получения правовой информации. Человек может не обращаться непосредственно к тексту закона или судебному акту: он формулирует вопрос для системы искусственного интеллекта и получает готовое объяснение. При этом система представляет ответ не как набор найденных документов, а как связное высказывание, приспособленное к конкретной ситуации пользователя.

Так искусственный интеллект начинает выполнять функцию посредника между субъектом и правовой информацией. Ошибка в первичном источнике права и ошибка посредника имеют различный механизм воздействия. Нормативный правовой акт непосредственно содержит юриди-

ческое предписание. Генеративная система такого предписания не создаёт, но может создать у человека представление о том, что определённое предписание существует. Возникает расхождение между правовой действительностью и её цифровым представлением. В этой зоне и возникает проблема «правовых галлюцинаций».

Правовые галлюцинации и ложное правовое знание

Термин «галлюцинация» применительно к искусственному интеллекту — техническая метафора. Он не означает наличия у системы психического состояния или способности воспринимать несуществующие объекты. Речь идёт о формировании системой правдоподобного, но недостоверного содержания [6].

В юридической сфере подобный феномен приобретает самостоятельное значение. Правовая информация обладает повышенной нормативной нагрузкой: её содержание может использоваться для определения прав, обязанностей, запретов, способов защиты и юридических последствий поведения.

Правовую галлюцинацию искусственного интеллекта можно определить как недостоверную юридическую информацию, сформированную системой в форме, внешне похожей на достоверное правовое знание. Такая информация может содержать несуществующую статью закона, судебное решение или правовую позицию; искажать содержание существующей нормы или судебной практики; либо соединять существующие нормы и факты таким образом, что формируется не соответствующая праву юридическая квалификация. Во всех этих случаях система формирует правдоподобное, но недостоверное описание права.

Здесь важно разграничить три уровня рассматриваемого явления, которые в практической литературе нередко отождествляются.

Начать стоит с технической ошибки искусственного интеллекта. Это сбой системы, в результате которого сформированное содержание не соответствует правовой действительности. Сама по себе такая ошибка ещё не затрагивает правосознание человека.

Иначе обстоит дело с правовой галлюцинацией. Она представляет собой недостоверное содержание, обладающее внешними признаками достоверного правового знания. Правовая галлюцинация существует в цифровой среде и ещё не стала частью сознания человека.

На уровне правосознания возникает уже третье явление — ложное правовое знание субъекта. Это представление о правовой действительности, сформировавшееся у человека на основе инфор-

мации, которая выглядит юридически достоверной, но объективно не соответствует существующему праву.

Правовая галлюцинация и ложное правовое знание — не синонимы, а разные уровни одного процесса. Первое принадлежит цифровой среде, второе — сознанию субъекта. Переход между ними и составляет предмет теоретико-правового анализа.

Необходимо также различать незнание права, ошибочное понимание права, ложное правовое знание и юридическую ошибку. Если человек не располагает необходимой информацией о праве, речь идёт о незнании. Когда существующее правовое содержание воспринимается неправильно, можно говорить об ошибочном понимании. В случае ложного правового знания человек уверен в том, что определённое юридическое содержание существует, хотя в действительности его нет или оно существенно отличается от действующего права. Юридическая ошибка возникает уже при оценке юридически значимых обстоятельств и выборе поведения. Поэтому ложное правовое знание характеризует содержание правознания, а юридическая ошибка — его использование при оценке конкретной ситуации.

Влияние недостоверной информации на правосознание

Не всякая ошибка искусственного интеллекта влияет на правосознание. Такое влияние возникает тогда, когда недостоверная информация выглядит достоверной, принимается человеком за правовое знание и используется им при выборе поведения. Если человек воспринимает ответ системы лишь как предварительную информацию и проверяет его по официальному источнику, воздействие на правосознание будет минимальным. Когда же полученный ответ воспринимается как достоверное описание действующего права, ложное содержание становится частью субъективного правового знания.

Решающим является момент, когда информация, созданная системой, становится частью представления человека о праве. Этот процесс можно обозначить как интериоризацию правовой информации. В этот момент техническая ошибка приобретает значение для теории права. До него мы имеем дело либо с технической ошибкой, либо с правовой галлюцинацией как информационным продуктом, но не с состоянием правосознания.

Авторская модель этого перехода выглядит так:

ошибка ИИ → недостоверная, но убедительная правовая информация → принятие её человеком → формирование ошибочного представления о праве → юридически значи-

мое поведение.

Такое разграничение даёт возможность рассматривать последствия ошибок искусственного интеллекта и как техническую, и как теоретико-правовую проблему.

Многое здесь зависит от того, насколько человек доверяет информационному посреднику. Чем выше воспринимаемый авторитет системы, тем реже её ответ подвергается критической проверке. Техническая ошибка может получить продолжение в сознании человека, где складывается своеобразная установка: «система сообщила — значит, так в праве и есть». Эта установка ослабляет самостоятельную проверку правовой информации и меняет механизм формирования индивидуального правосознания [3].

Существенную роль играет правдоподобие формы. Недостоверная информация, очевидно противоречащая здравому смыслу, с меньшей вероятностью будет принята субъектом. Напротив, структурированный ответ, содержащий ссылки на статьи, названия судов, даты решений и юридическую терминологию, способен создавать у пользователя впечатление достоверности. Современные рекомендации для юридической практики прямо указывают на опасность того, что ИИ-галлюцинации могут выглядеть убедительно и при этом содержать вымышленные правовые источники [5]. Проблема заключается как в ложности содержания, так и в форме его предъявления.

Практика использования ИИ и проблема юридически значимого поведения

Теоретико-правовое значение рассматриваемого явления наиболее очевидно в тот момент, когда ложное правовое представление начинает влиять на поведение. Гражданин может получить от системы сведения о том, что определённое действие запрещено законом, хотя никакого запрета в действительности нет, и отказаться от реализации принадлежащего ему права. Бывает и наоборот: система сообщает о наличии права или способа защиты, которых законодательство не предусматривает, и субъект действует исходя из этого представления, сталкиваясь затем с юридическими последствиями.

Из этого не следует, что ошибка искусственного интеллекта автоматически превращается в юридическую ошибку самого субъекта. Фактическое влияние информации и юридическая оценка поведения — разные вещи. Получение недостоверной информации может объяснять, как формировалось поведение. Вопрос о юридических последствиях требует самостоятельной оценки обстоятельств: характера информации, возможности её проверки, профессионального статуса лица, его обязанности проявлять необходимую

осмотрительность. Ложное правовое знание способно выступать исходным фактором последующего юридически значимого поведения и входить в причинную цепочку, значимую для решения вопроса об ответственности. Детальное раскрытие этого аспекта выходит за рамки настоящей работы.

По данным базы AI Hallucination Cases, по состоянию на 18 июля 2026 г. зафиксировано 1 782 судебных дела, связанных с использованием сфабрикованных ИИ цитат или контента. Рост идёт по экспоненте: около 200 дел в середине 2025 года, 719 к январю 2026 года, 1 227 к началу апреля, 1 598 к 9 июня и 1 782 к 18 июля 2026 года [11].

В деле *Mata v. Avianca, Inc.* (S.D.N.Y., 2023) адвокат сослался на шесть несуществующих судебных решений, сгенерированных ChatGPT. Ссылки выглядели правдоподобно, с номерами дел, названиями судов и датами, и были использованы при подаче процессуального документа. Результатом стали судебные санкции [10]. В деле *Butler Snow* (N.D. Ala., 2025) трое адвокатов включили в ходатайства пять «полностью вымышленных» ссылок на дела; судья подчеркнула, что фабрикация правовых источников «требуется существенно большей ответственности, чем выговоры и скромные штрафы». Субъектами здесь выступили профессиональные юристы. Формирование ложного правового представления возможно как на уровне обыденного, так и на уровне профессионального правосознания.

Российская практика также даёт значимые примеры. Определением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.05.2026 по делу № А27-7831/2025 на кемеровскую компанию «ЦСС» наложен штраф 50 000 рублей по ст. 119 АПК РФ за ссылки на несуществующие определения Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и арбитражных судов округов [8]. Суд отметил, что подготовка жалобы с помощью технологий искусственного интеллекта не является оправданием, поскольку «ответственность за достоверность сгенерированного текста несёт лицо, участвующее в деле и использовавшее указанную технологию». Этот случай позволяет предположить наличие перехода от информационного продукта к использованию недостоверного содержания субъектом в юридически значимой деятельности. Внутренний процесс принятия информации непосредственно судебным актом не устанавливается, а реконструируется на основании факта использования недостоверных ссылок в процессуальном документе.

На нормативном уровне Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15

«О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» закреплено, что участвующие в деле лица, представившие сведения о фактах, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, должны сообщать об этом суду [9]. Такое регулирование можно рассматривать как одну из форм нормативной реакции на риски использования искусственного интеллекта при формировании юридически значимой информации.

Заключение

Ответ на поставленный во введении вопрос оказывается сложнее, чем простое указание на ненадёжность искусственного интеллекта. Генерация недостоверной юридической информации приобретает теоретико-правовое значение не в момент её создания системой, а в момент, когда она становится частью представлений человека о праве.

Это позволяет разграничить три уровня рассматриваемого явления: техническую ошибку системы, правовую галлюцинацию как информационный продукт и ложное правовое знание субъекта. Разграничение имеет не терминологический, а содержательный характер: оно показывает, что техническая ошибка и состояние правосознания — разные явления, и что переход между ними не автоматичен. Правовая галлюцинация принадлежит цифровой среде, ложное правовое знание — сознанию человека.

Проведённое разграничение позволяет также отделить ложное правовое знание от юридической ошибки: первое характеризует содержание правосознания, вторая — его использование при оценке конкретной ситуации.

Приведённые примеры подтверждают практическую значимость такого разграничения, хотя и не позволяют рассматривать его как результат исчерпывающей эмпирической проверки.

Искусственный интеллект в рассмотренном контексте выступает не только способом получения правовой информации, но и посредником, через которого человек формирует представления о праве. Поэтому развитие теории правосознания требует учитывать новые способы получения и восприятия правовой информации, связанные с использованием систем искусственного интеллекта.

Список литературы:

- [1] Петренко И. А., Курзаков М., Магомедова Е. А. Влияние цифровизации на правосознание населения в современной России: сущность и проблемные аспекты // *Сифра: Право*. 2025. № 3 (7). С. 103-126.
- [2] Горбатенко Г. В. Теоретико-правовой ас-

пект влияния правосознания на формирование эффективной правовой системы // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2021. № 3. С. 27–31.

[3] Шамаров В. М. Трансформация содержания понятия «правосознание» в условиях специальной военной операции // *Военно-юридический журнал*. 2024. № 5. С. 26–31.

[4] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // *Journal of Empirical Legal Studies*. 2025. Vol. 22, No. 2. P. 216–242.

[5] James C. B. The New Normal: AI Hallucinations in Legal Practice // *Montana Lawyer*. 2026. Vol. 51, No. 1. P. 12–15.

[6] Lee Hyeong Seok. The Legal Responsibility Framework of Generative AI Hallucinations and Normative Design for the Protection of Fundamental Rights // *Legal Theory & Practice Review*. 2026. Vol. 14, No. 1. P. 49–88.

[7] Sanchez-Graells A. Responsibly Buying Artificial Intelligence: A 'Regulatory Hallucination' // *Current Legal Problems*. 2024. Vol. 77, No. 1. P. 81–126.

[8] Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.05.2026 по делу № А27-7831/2025. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=221111> (дата обращения: 22.09.2026).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534842/ (дата обращения: 22.09.2026).

[10] *Mata v. Avianca, Inc.*, No. 22-cv-1461 (S.D.N.Y. June 22, 2023) (sanctions order). // Web Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20240213030046/https://casetext.com/case/mata-v-avianca-inc-2/> (дата обращения: 22.09.2026).

[11] AI Hallucination Cases Database // D. Charlotin. URL: <https://www.damiencharlotin.com/hallucinations/> (дата обращения: 22.09.2026).

References:

[1] Petrenko I. A., Kurzakov M., Magomedova E. A. The Impact of Digitalization on the Legal Consciousness of the Population in Modern Russia: Essence and Problematic Aspects // *Cifra: Law*. 2025. No. 3 (7). pp. 103–126.

[2] Gorbatenko G. V. The Theoretical-Legal Aspect of the Influence of Legal Consciousness on the Formation of an Effective Legal System // *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs*

of Russia. 2021. No. 3. pp. 27–31.

[3] Shamarov V. M. Transformation of the Content of the Concept of "Legal Consciousness" in the Context of the Special Military Operation // Military-Legal Journal. 2024. No. 5. pp. 26–31.

[4] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. 2025. Vol. 22, No. 2. pp. 216–242.

[5] James C. B. The New Normal: AI Hallucinations in Legal Practice // Montana Lawyer. 2026. Vol. 51, No. 1. pp. 12–15.

[6] Lee Hyeong Seok. The Legal Responsibility Framework of Generative AI Hallucinations and Normative Design for the Protection of Fundamental Rights // Legal Theory & Practice Review. 2026. Vol. 14, No. 1. pp. 49–88.

[7] Sanchez-Graells A. Responsibly Buying Artificial Intelligence: A 'Regulatory Hallucination' // Current Legal Problems. 2024. Vol. 77, No. 1. pp.

81–126.

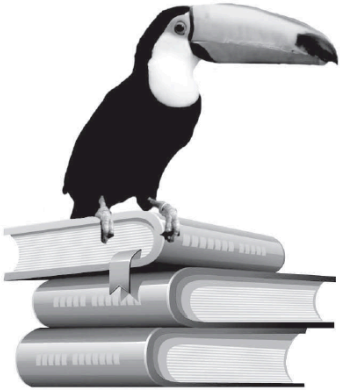
[8] Ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District dated May 14, 2026, in Case No. A27-7831/2025. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=221111> (accessed: September 22, 2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 21, 2026, No. 15 "On the Preparation of Civil Cases for Trial." // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_534842/ (accessed: September 22, 2026).

[10] Mata v. Avianca, Inc., No. 22-cv-1461 (S.D.N.Y. June 22, 2023) (sanctions order). // Web Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20240213030046/https://casetext.com/case/mata-v-avianca-inc-2/> (accessed: September 22, 2026).

[11] AI Hallucination Cases Database // D. Charlotin. URL: <https://www.damiencharlotin.com/hallucinations/> (accessed: September 22, 2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru